УДК 94(47).084+061.22

Е. Ф. Синельникова, В. С. Соболев

Воскрешая величавые образы мыслителей

Из истории Петербургского философского общества (1897–1923)

Важной составляющей истории науки является изучение инфраструктур в развитии ее различных направлений. В то же время историки отечественной философии в своих исследованиях больше внимания уделяли рассмотрению творчества отдельных ученых, направлений и школ. В гораздо меньшей степени они проявляли интерес к изучению истории обществ, кружков, собраний, съездов и конгрессов, а также периодических и непериодических изданий. Однако недостаточное внимание к инфраструктурам в развитии философской мысли в России может привести к упрощенному пониманию процесса становления русской философской традиции, к необъективным оценкам реальной значимости отдельных теорий и идей для научной и общественной жизни и культуры.

В этой связи большой интерес и достаточно существенное значение имеет выявленный нами в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН источник по истории Петербургского философского общества. Это рукопись очерка К. М. Милорадович, подготовленного ею к предстоявшему в октябре 1922 г. 25-летнему юбилею общества[1]. Принимая во внимание, что рукопись Милорадович является пока единственным известным целостным источником по истории Философского общества за весь период его существования (1897–1923), мы посчитали возможным и целесообразным подготовить настоящую публикацию этого архивного документа.

[1] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Р. IV. Оп. 1–1922. Д. 875. Л. 1–16.

Следует сказать несколько слов об его авторе. Милорадович Ксения Михайловна (1882 — после 1938) родилась в дворянской семье. В 1906 г. окончила Историко-Филологическое отделение Высших женских курсов в Петербурге (ВЖК). С 1909 г. работала в библиотеке ВЖК, сначала письмоводительницей, с 1910 по 1918 г. — помощницей библиотекаря, а с 1919 по 1926 г. — заведующей. Библиотека ВЖК в те годы являлась «филиальным отделением» университетской библиотеки[2]. В ноябре 1926 г. Ксения Михайловна перешла на работу в библиотеку Академии наук помощником библиотекаря. В январе 1927 г. К. М. Милорадович была арестована ОГПУ «за руководство монархическим кружком школьной молодежи» и выслана из Ленинграда в Саратов. В 1930 г. она вернулась в Ленинград, работала библиографом в Государственной публичной библиотеке. В марте 1935 г. была вновь арестована органами НКВД СССР и выслана вместе с матерью на 5 лет в Куйбышев. В апреле 1937 г. Особым совещанием при НКВД Милорадович была приговорена к шести годам ИТЛ и поражению в правах на 5 лет (по ст. 58, п. 10)[3]. Сведения о ее жизни после 1938 г. выявить пока не удалось.

В архивном фонде академического «Комитета учета научных работников и изучения научных сил СССР» (КУИНС) хранится анкета Ксении Михайловны, заполненная ею в 1923 г.[4] Здесь указаны ее основные научные труды: «Ряд статей по философии в Журнале Министерства народного просвещения: “Учение о времени Канта и Бергсона”, “Условия возможности религиозной веры”, “Суд и осуждение” и др., и в “Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона”, переводы в сборнике “Новые идеи в философии” и перевод “Феноменологии духа” Гегеля (в сотрудничестве с другими лицами). В 1915 г. под моей редакцией вышел сборник “Цельное знание”, с моею вводной статьей. В 1920–1921 г. — учебник “Психология” и книжка “Что такое наука” — и то и другое куплены у меня издательством Гржебина. В 1922 г. — статья в журнале “Мысль” “О роли метафизики”»[5].

К. М. Милорадович в предреволюционные годы активно посещала собрания Философского общества, а в 1921 г. была избрана его действительным членом. Вследствие этого в основу очерка ею были положены и собственные воспоминания, и опыт участия в деятельности общества.

Следует отметить, что осмысление прошедшего, настоящего, его проблем и перспектив своими корнями уходит вглубь истории. Формирование инфраструктуры философии началось в «постклассический» период (вторая половина XIX — начало XX в.) и было связано с мировым процессом интернационализации

[2] В настоящее время библиотека ВЖК является сектором Научной библиотеки им. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

[3] Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] // Междунар. о-во «Мемориал» и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Звенья, 2004.

[4] СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 472. Л. 103 — 103 об.

[5] Там же.

экономики, культуры и науки. В передовых странах этот процесс шел вместе с секуляризацией мировоззрения. В России появление светской мировоззренческой инфраструктуры встречало препятствия со стороны государственного с петровских времен православия, имевшего статус официальной идеологии. В высших сферах государственной власти и у архипастырей православной церкви развитие философских наук в России вызывало стойкую неприязнь.

В своем очерке Ксения Михайловна описывала неудавшуюся попытку организации Философского общества в 1880 г., когда «препятствие встретилось со стороны министра внутренних дел Д. А. Толстого, который не утвердил устава, находя Философское общество праздной затеей»[6]. Таким образом, общество удалось создать только через 17 лет, в 1897 г. У истоков его создания стояли весьма авторитетные и известные ученые — А. И. Введенский, Э. Л. Радлов, В. С. Соловьев, В. М. Бехтерев, Н. Г. Дебольский и др.

В октябре 1897 г. был утвержден устав общества. В § § 2 и 3 устава были прописаны цели и задачи вновь созданной общественной организации: «Общество имеет целью содействие развитию и распространению философских знаний. Для достижения этой цели Общество имеет право: 1) устраивать для научных сообщений, кроме закрытых заседаний, публичные собрания; 2) открывать платные и бесплатные чтения; 3) иметь библиотеку; 4) печатать свои труды в виде отдельных и повременных изданий; 5) предлагать темы и за выполнение их выдавать денежные премии и медали; 6) устраивать съезды»[7].

Ксения Михайловна сообщает в очерке о выборах председателя на первом собрании общества, состоявшемся 22 октября 1897 г., когда «голоса разделились почти поровну»[8] между М. И. Каринским и А. И. Введенским. Только на годичном собрании общества 11 октября 1898 г. Введенский был единогласно избран председателем и в течение 25 лет бессменно занимал этот пост. Первоначально в общество вступило 80 человек, но уже к концу 1898 г. количество его членов достигало 156 человек[9], а в 1900 г. их было 185[10]. Через 15 лет после создания, в 1912 г., в обществе состояло 190 членов[11], а осенью 1921 г. — 210[12].

В очерке К. М. Милорадович содержатся важные и интересные для истории философии сведения об активных участниках общества, о тех докладах,

[6] Там же. Р. IV. Оп. 1–1922. Д. 875. Л. 3.

[7] Устав Философского общества при Санкт-Петербургском университете: утвержден 22 октября 1897 г. СПб., 1897. С. 3.

[8] СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1–1922. Д. 875. Л. 4.

[9] Там же. Л. 6.

[10] Список членов Философского общества при Императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 1900.

[11] Список членов Философского общества при Императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 1912.

[12] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 341. Л. 1.

лекциях и сообщениях, которые были сделаны на заседаниях общества в течение 25 лет его существования. Всё это позволяет лучше понять мировоззренческий процесс в России тех лет, объективнее оценить значение, которое имели тогда те или иные теории и идеи.

На заседании общества 2 декабря 1899 г. было принято решение начать подготовку и издание переводов классических философских сочинений под общим заголовком «Труды Петербургского Философского Общества». Всего за период с 1901 по 1917 г. было опубликовано 15 выпусков переводов[13]. Среди них можно упомянуть труды Аристотеля, Канта, Гегеля, Фихте.

Результаты переводческой работы и публикаторской деятельности общества имели определенное значение для развития мировоззренческого процесса в России, они обогатили имевшуюся в то время источниковую базу для философского осмысления прошлого и настоящего.

С 1918 по 1921 г. Философское общество бездействовало, однако с 27 февраля 1921 г. оно вновь стало функционировать. На заседании Совета общества 16 октября 1921 г. было постановлено возобновить издательскую деятельность, начав ее с выпуска философского сборника или журнала[14]. В 1922 г. общество приступило к изданию философского журнала «Мысль».

Развитие деятельности общества было прервано высылкой из страны в августе–сентябре 1922 г. большой группы московских, петроградских и киевских профессоров, писателей и журналистов, несогласных с политикой Советского государства, среди которых были активные члены Философского общества. Оно, обескровленное, фактически перестало существовать, но официальное закрытие последовало только в мае 1923 г.

Можно с уверенностью утверждать, что очерк Милорадович написала не позднее июня 1922 г., так как она сообщает, что два номера журнала «Мысль» «уже вышли в свет, третий выпуск выходит на днях»[15]. Известно, что Философское общество успело напечатать три номера журнала с января до июня 1922 г., четвертый номер был уже набран, но не опубликован, так как журнал был запрещен[16].

Рукопись К. М. Милорадович представляет собой архивное дело объемом 16 листов. Размер листа 30 × 23 см. Текст — чернила, автограф с авторской правкой. Текст очерка публикуется полностью, без каких-либо изменений, дополнений и пр. (кроме минимальной и необходимой орфографической правки).

Полагаем, что публикация этого архивного документа в известной степени обогатит источниковую базу отечественной науки. Она также является данью уважения замечательному петербургскому ученому — философу Ксении Михайловне Милорадович.

---

[13] СПбФ АРАН. Р.IV. Оп. 1–1922. Д. 875. Л. 8.

[14] *Франковский А.* Философское Общество при Петроградском университете // Мысль. 1922. Вып. 1. С. 187–188.

[15] СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1–1922. Д. 875. Л. 8. Л. 15.

[16] *Лосский Н. О.* Воспоминания // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 181.

К. М. Милорадович. Петербургское Философское Общество

22 октября 1922 года исполнится 25 лет существованию Философского Общества при Петербургском Университете. Такое его продолжительное существование и постоянная, неослабевающая деятельность, замолкнувшая только на три года в начале революции, доказывает, что оно отвечает действительной потребности философски мыслящих людей. А именно потребности постоянно проверять свои мысли и философские построения в живой беседе с единомышленниками и противниками, подвергать эти мысли критике последних раньше, чем выступать на более широкую арену печатного слова.

Наряду с Философским Обществом в Петербурге иногда возникали другие общества, ставившие себе более или менее родственные задачи. Таково было, например, Религиозно-Философское Общество[17], деятельность которого развивается на рубеже первого и второго десятилетия нашего века, ставившее своей задачей философское исследование вопросов религии, например, в настоящее время так называемая Вольфила[18], в которой вопросы философии тесно связаны с вопросами общественности. Но хотя ни вопросы общественности, ни тем более вопросы религии никогда не были чужды Философскому обществу, о котором идет речь, то тут они занимают свое место как составные части философского миросозерцания вообще, которое, только будучи взято во всей своей цельности и полноте, только исследуя самые глубины человеческого духа и Божьего мира в их взаимной связи, может дать основание для разрешения отдельных проблем[19]. Вот почему существование других родственных

[17] Петербургское религиозно-философское общество было основано в 1907 г., с целью «всесторонней разработки вопросов религии и философии». Председатель — А. В. Карташев, товарищ председателя — Д. В. Философов, секретарь — Н. Л. Слонимский. Насчитывало до 900 членов. Заседания проводились в помещении Русского географического общества (ул. Большая Зеленина, 14). Издавало «Записки Санкт-Петербургского религиозно-философского общества». Вып. 1–6, сб. 1908–1916. См.: *С. В.* Религиозно-философское общество в Петербурге // Живая жизнь. 1907. № 1. С. 57–61.

[18] Вольная философская ассоциация — «Вольфила». Существовала с 1919 по 1923 г. Насчитывала 350 членов-соревнователей, ее собрания посещали до 1000 человек. Велись различные кружки. Официальный адрес — наб. Фонтанки, 50, кв. 25 (см.: Наука и ее работники. 1920. № 1. С. 24–26; Мысль. 1922. № 1. С. 183–186).

[19] Здесь следует дать некоторые пояснения. «Философия религии» принципиально отличалась и от государственного православия, и от «неохранительства» религиозно-философских обществ (они «требовали права живой религиозной веры» и «личного богословского мнения»). Главными отличительными чертами «философии религии» являлись, во-первых, внеконфессиональный философский подход; во-вторых, стремление исследовать мировоззрение во всей полноте, включая «субъективные, не строго логические элементы». Материалы сборника «Цельное знание» (под ред. К. М. Милорадович, Пг. 1915) свидетельствуют о том, что «философия религии» занималась изучением «конкретности религиозного опыта», находя в ней «Три главных источника веры в Бога»: «Бог народной массы», «как коллективно воображаемый предмет»; «Бог философский» — «первый принцип существования», «центр умопостигаемого единства»; «Бог нравственного мира» — «примат нравственной реальности».

обществ никогда не могло уменьшить значения Философского Общества для его членов или парализовать его деятельности.

К этому нужно прибавить еще и то, что в числе своих членов Философское Общество считает всех тех, чьи имена дороги русской философии, кто в течение двадцати пяти лет выдвигался на поприще этой науки, если только он хоть отчасти был связан с Петербургом. Чтобы не говорить о живых, достаточно назвать два таких имени, как В. С. Соловьев и М. И. Каринский, связанных с Обществом с самого его возникновения.

Т. к. заседания Философского Общества всегда были доступными для студенческой молодежи, то оно имело и немалое педагогическое значение, подготовляя к пониманию задач и методов философии тех, кто был склонен к участию в философской работе. Из поколения, о котором я могу говорить уже по личным воспоминаниям, т.е. того, которое застало деятельность Философского общества в полном ее расцвете, можно было указать значительное число лиц, во многом обязанных этому обществу своим философским развитием. К несчастью, самые талантливые из них сошли в преждевременную могилу, как это и естественно для людей, зрелая молодость которых совпала со временем революции, и для которых, как это подобает философу, ничто человеческое не было чуждо. К таким принадлежат Д. В. Болдырев и Д. Д. Муретов.

Но прежде чем очертить деятельность Общества в последний, послереволюционный его период, обратимся к его возникновению 25 лет назад и даже несколько ранее. Причины, вызвавшие это Общество к жизни, ощущались уже значительно раньше, чем оно фактически возникло. Еще в 1880 году Э. Л. Радлов получил от К. Н. Бестужева-Рюмина следующее письмо:

Многоуважаемый Эрнест Львович.

Учредители Философского Общества просят Вас пожаловать в пятницу 15-го февраля, в 9 часов вечера на квартиру Федора Густавовича Тернера (Певческий Мост, дом № 16).

Февраля 8-го 1880 г. Давно преданный Вам
К. Бестужев-Рюмин

Тернер в то время был товарищем министра финансов, а лица, собравшиеся у него, были Н. Страхов, М. Каринский, А. Светилин, К. Н. Бестужев-Рюмин, Э. Л. Радлов и некоторые другие. Этими лицами был выработан устав, который затем был представлен в Ученый Комитет, где его пришлось рассматривать В. Соловьеву, как члену этого комитета. Однако препятствие встретилось со стороны министра внутренних дел Д. А. Толстого, который не утвердил устава, находя Философское Общество праздной затеей. После такой неудачи идея Философского общества заглохла на 17 лет.

Во второй раз за пропаганду этой идеи взялась дочь академика Безобразова — Мария Владимировна. В 1897 г. она посетила ряд лиц, являвшихся представителями философской мысли в Петербурге — побывала у Э. Л. Радлова, у А. И. Введенского, у Н. Г. Дебольского, у некоторых других — предлагая им взять на себя инициативу учреждения Философского Общества. На этот раз идея не встретила серьезных препятствий, и 7-го декабря 1897 г. на первом заседании — декан историко-филологического факультета и член-учредитель И. В. Помяловский сообщил собранию об утверждении устава Общества, состоявшегося 22 октября 1897 г., и пригласил приступить к выборам председателя Общества и членов Совета.

§ § 2 и 3 устава Общества гласят:

Общество имеет целью содействие развитию и распространению философских знаний.

Для достижения этой цели Общество имеет право: 1) устраивать для научных сообщений, кроме закрытых заседаний, публичные собрания; 2) открывать платные и бесплатные чтения; 3) иметь библиотеку; 4) печатать свои труды в виде отдельных и повременных изданий; 5) предлагать темы и за выполнение их выдавать денежные премии и медали; 6) устраивать съезды.

Между двумя выдвинутыми кандидатами в председатели М. И. Каринским и А. И. Введенским голоса разделились почти поровну, а именно за Каринского было подано 40 голосов, а за Введенского 41. Таким образом, последний оказался избранным большинством одного голоса. Членами Совета были избраны: Э. Л. Радлов, А. С. Фаминцын, В. М. Бехтерев, И. И. Лапшин, Я. Н. Колубовский и А. П. Нечаев. Постановлением Совета Э. Л. Радлов был назначен товарищем председателя. Но такого рода нерешительное избрание не удовлетворило А. И. Введенского, и уже на следующем заседании, состоявшемся 4-го января 1898 г., товарищу председателя Э. Л. Радлову пришлось заявить об отказе А. И. Введенского от председательства, а т.к. собрание единогласно определило отложить избрание председателя до годичного собрания, то товарищу председателя и пришлось в течение целого года фактически исполнять обязанности председателя.

История повторяется, и в настоящее время, при возобновлении собраний Философского Общества, прерванных в начале революции, Э. Л. Радлову опять приходится нести обязанности председателя вместо больного Введенского, который после своего второго и уже единогласного избрания в годичном собрании 11-го октября 1898 г., в течение двадцати пяти лет остается бессменным председателем Философского Общества.

Такова история возникновения и первоначальной организации Общества. Первые его собрания, посвященные философии, которых в течение первого 1897–1898 академического года было всего 8 (включая и организационные),— носили характер открытый и многолюдный, и происходили в актовом зале университета.

На них произносились речи, после которых члены Общества удалялись, чтобы в закрытом заседании обсудить вопросы организационного характера. Из таких речей, произнесенных в течение первой же зимы по возникновении Общества, следует отметить речь Введенского «Судьбы философии в России» — 31-го января и В. Соловьева «Жизненная драма Платона» — 17-го февраля. Затем два заседания были посвящены чествованию О. Конта[20], а на следующем заседании 27 марта, уже не носившем характера публичного чтения, а характер научного доклада, за которым следует его обсуждение, Н. Г. Дебольский прочел реферат на тему «Понятие красоты». Этот характер научных докладов собрания Философского Общества и сохранили впоследствии, только в годичных собраниях или особых случаях, возвращаясь к публичным речам. Так, первая годовщина Общества в октябре 1898 г. ознаменовалась речью В. С. Соловьева «О значении В. Г. Белинского». На годичном собрании 1899 г., на котором исполняющий обязанности секретаря О-ва В. С. Серебреников прочел отчет о возникновении, деятельности и состоянии Общества, можно было уже воочию убедиться в жизнеспособности последнего: первоначальное число членов — 80, из которых трое умерли за этот период, возросло ко второй годовщине до 156-ти человек. Как наиболее интересные, по именам докладчиков и по затронутым темам, следует отметить за первые три года доклады Ф. Д. Батюшкова «Утопия всенародного искусства» (критикующий воззрения на искусство Л. Н. Толстого[21]), П. Д. Боборыкина «Класс философии во французских лицеях и коллежах», Э. Л. Радлова «Очерк историографии истории философии», И. И. Лапшина «О трусости в мышлении», Д. Д. Гримма «К вопросу о психологическом анализе человеческих действий», В. А. Кистяковского «Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений». Кроме того, на публичном собрании 2-го декабря 1899 г. В. С. Соловьев прочел интересную речь «Характеристика М. М. Троицкого, Н. Я. Грота и П. Д. Юркевича».

Еще 15-го декабря 1898 г. А. И. Введенский доложил собранию о состоявшемся предварительном соглашении с редакцией журнала «Вопросы Философии и Психологии», относительно печатания в этом журнале протоколов Общества, и предложение Совета о содействии Философского Общества Московскому Психологическому в издании этого журнала. Собрание единогласно приняло предложение Совета[22]. Отношения с Московской философией и ее

[20] См.: *Соловьев В. С.* Идея человечества у Августа Конта. Чтение в публичном собрании Философского общества при Петербургском университете. 7 марта 1898 г. // Собр. соч. В. С. Соловьева. Изд. 2-е. Т. 9. СПб., 1913.

[21] Лев Николаевич Толстой на протяжении ряда лет являлся почетным членом Петербургского философского общества (Список членов Философского общества при Императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 1900. С. 5; Список членов Философского общества при Императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 1903. С. 5; Список членов Философского общества при Императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 1906. С. 5).

[22] От Совета Московского Психологического Общества. От Совета Санкт-Петербургского Философского Общества // Вопросы философии и психологии. М., 1899. Кн. 46 (1). С. V–VII.

представителями у Петербургского Философского Общества с самого начала были очень дружескими. Особенно крепким связующим звеном служил В. С. Соловьев, который в Москве и Петербурге был одинаково дома, был связан личной дружбой с Московскими философами — Лопатиным С. Н. и Е. Н. Трубецким и многими другими, и естественно связывал их с теми, кого любил в Петербурге. Так, например, Э. Л. Радлов, который со своим изящным умом и высоко этическим настроением всегда был особенно близок Соловьеву, всецело приписывал ему свои отношения с москвичами. Обаяние личности Соловьева, удостоверяемое всеми, кто его знал, создавало для русской философии тот нравственный центр, который хотелось бы сравнить — если бы такое сравнение не казалось слишком смелым — с лучшими временами греческой философии, группировавшейся вокруг Сократа. Не личности я сравниваю, разумеется. Они несравнимы, как все своеобразные и выдающиеся. По сравнению с Грецией мы бедны и отвлечены, у нас наука оторвалась от личной жизни и не освещает эту жизнь вдохновением. У нас личные отношения между людьми редко бывают основаны на общей любви к красоте и мудрости. И если что страдает от такого положения вещей, то прежде всего философия, которая требует человека всего, с его размышлениями и любовью, с его общественной и личной жизнью. Нечто в этом роде и вносил Соловьев в свои отношения с друзьями, разбросанными по лицу России, и все-таки главным образом сосредоточенными в Петербурге и в Москве. И эта традиция философской дружбы, хотя и ослабела со смертью Соловьева, однако сохранялась до последнего времени в отношениях между Петербургским Философским обществом и Психологическим Московским. Осязательно это выражалось в том, что у обоих был в сущности общий орган — «Вопросы Философии и Психологии», хотя он и выходил в Москве под редакцией Лопатина. Здесь печатались доклады, прочитанные и в одном и в другом, и для Петербургских философов всегда были открыты его страницы[23].

Но деятельность Философского Общества вскоре получила еще новое направление. В заседании 2-го декабря 1899 г. было постановлено приступить к изданию от имени Общества переводов Малебранша «Recherches de la vérité» под редакцией Э. Л. Радлова и «Méditationes» Декарта под ред. А. И. Введенского. С тех пор и до перерыва в начале революции, под заголовком «Труды Петербургского Философского Общества» вышел ряд переводов классических философских сочинений. Вот их перечисление:

Выпуск I. Декарт. Метафизические размышления. Перев. под ред. А. И. Введенского. 1901.

[23] Прежде всего, в извлечениях были напечатаны протоколы общих собраний Петербургского Философского общества за 1897–1899 гг. (См.: Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 46 (1); 1900. Кн. 51 (1)). Кроме того, в журнале публиковались и некоторые доклады, сделанные в Философском обществе. В 1918 г. журнал «Вопросы философии и психологии» прекратил свое существование. В 1922 г. в третьем последнем номере журнала Философского общества «Мысль» была помещена «Хроника» деятельности Психологического общества при Московском университете за 1918–1922 гг.

Вып. II и III. Малебранш. Разыскание истины. Перев. под ред. Э. Л. Радлова. 1903.

Вып. IV. Беркли. Трактат о началах человеческого знания. Перев. под ред. Н. Г. Дебольского. 1905.

Вып. V. Аристотель. Этика. Перев. Э. Л. Радлова. 1908.

Вып. VI. Кант. 1) О формах и началах мира чувственного и умопостигаемого; 2) Успехи метафизики. Перев. Н. О. Лосского. 1910.

Вып. VII. Аристотель. Политика. Перев. С. А. Жебелева.

Вып. VIII. Гегель. Феноменология Духа. Перев. под ред. Э. Л. Радлова. 1913.

Вып. IX. Секст Эмпирик. Пирроновы положения. Перев. под ред. А. У. Маленна. 1913.

Вып. X. Фихте. Факты сознания. Перев. под ред. Э. Л. Радлова. 1914.

Вып. XI. Кант. Логика. Перев. под ред. А. М. Щербины. 1915.

Вып. XII, XIII и XIV. Гегель. Наука логика. Перев. Н. Г. Дебольского. 1916.

Вып. XV. Гельвеций. Об уме. Перев. под ред. Э. Л. Радлова. 1917.

Данные, которыми я располагаю для того, чтобы обрисовать деятельность О-ва с 1901 по 1917 г., не полны. Совсем отсутствуют данные за 1901[24] и 1914 годы; в остальных есть пробелы, хотя и не большие. Однако из имеющихся данных можно заключить, что наиболее деятельным из членов О-ва за этот период времени является И. И. Лапшин. С 1904 и по 1913 г. им прочитано в заседаниях О-ва 9 речей и докладов. Большая часть их носит осведомительный характер и посвящается творчеству современных европейских мыслителей: «Теоретическая философия Гартмана» — речь, произнесенная в 1907 г. «Пан-эмпиризм Гомперца» — 1907 г. «Несколько слов памяти Фридриха Паульсена» — 1908 г. «Психология эмоционального мышления Генриха Майера» — 1909. «Философия Бергсона» — 1911. «О Фульте» — речь 1912 г. «Философия фикции» — по поводу книги Файгингера — 1913. И только два доклада — «Мистическое восприятие и универсальный аффект» — 1904 г. и «Психология сомнения» — 1910 г. — являются собственными психологическими исследованиями.

Э. Л. Радлов сделал в обществе три доклада — в 1908, 1910 и 1913 гг.: «Никомахова этика. Отношение Аристотеля к предшественникам, в частности к Платону», «Учение В. Соловьева о свободе воли», и, наконец, «По поводу логики проф. А. И. Введенского». Эта логика проф. Введенского, вышедшая в 1912 г. новым изданием, вызвала ответ также со стороны Н. О. Лосского, сделавшего по ее поводу доклад «Отношение между логикой, гносеологией и психологией и учение о логической необходимости». Кроме этого, Н. О. Лосскому принадлежат еще два доклада — в 1904 и в 1916 гг.: «Учение о непосредственном

[24] Нам удалось выявить сведения о двух докладах, сделанных в 1901 г.: 22 февраля А. Яроцкий прочел доклад «Объективная необходимость прогресса» (См.: Вопросы философии и психологии. М., 1901. Кн. 59 (4); Кн. 60 (5)); 11 октября Б. М. Мелиоранский выступил на тему «Философская сторона иконоборчества» (Доклад опубликован уже посмертно: Вопросы философии и психологии. М., 1907. Кн. 87 (2)).

восприятии транссубъективного мира» и «Философские воззрения моравского ученого Маха» (по случаю смерти последнего). Доклады Н. О. Лосского, по какому бы поводу они ни делались, имеют своею главною целью объяснить развиваемое им учение «интуитивизма».

По имеющимся у меня данным, А. И. Введенский сделал только один доклад за этот период времени, а именно в 1908 г. «Новое и легкое доказательство философского критицизма» — вошедшее затем в состав его логики. Логические воззрения А. И. Введенского, И. И. Лапшина и Н. О. Лосского встретили в О-ве остроумную критику со стороны Н. Ф. Букреева, три доклада которого в 1909 г., 12 и 15-м гг. посвящены разбору этих воззрений. Два раза выступал с докладами Б. М. Мелиоранский. Это был серьезный религиозный мыслитель, каких выдвигала иногда духовная академия, к несчастью умерший молодым в 1917 г. В качестве религиозного же мыслителя выступил и Н. Г. Дебольский — гегельянец по своим теоретическим воззрениям. Он и свящ. К. М. Агееев сделали в 1906 г. один за другим по докладу на одну и ту же тему: «О ценности Евангелия для современной нравственности». К этой же группе мыслителей надо отнести и С. А. Алексеева. В течение этого же времени выступали также: Поварнин, Серебреников, проф. Казанского ун-та Ивановский, один из двух докладов которого имел практическую цель: выяснить ценность предметной системы, вводившейся тогда в университетах, в применении к преподаванию философии. Между 1907 и 1912 гг. целых пять докладов сделал Л. Е. Габрилович — по большей части на логические и гносеологические темы. Пять докладов принадлежит также В. Н. Сперанскому, известному своей плодовитостью. Из лиц, не принадлежащих к специалистам философам, но имена и доклады которых привлекали особый интерес, выступали в это время: Зелинский, Лаппо-Данилевский, Фаусек, Мережковский, Бердяев, Овсяннико-Куликовский[25].

С 1908 г. состав докладчиков несколько меняется. Здесь на первое место следует поставить три доклада С. Л. Франка — о книге Штерна «Личность и вещь» — 1908. «Философское учение прагматизма» — 1910 и «Учение Спинозы об атрибутах» — 1912. Два раза выступал А. Ф. Лазурский с докладами

[25] Вопрос о «специалистах философах» требует некоторого уточнения. Согласно постановлению собрания Философского общества от 17 февраля 1898 г., право быть избранными в его действительные члены имели преподаватели высших учебных заведений, преподаватели логики, психологии, истории философии и педагогики средних учебных заведений, а также лица, «имеющие печатные научные труды, соприкасающиеся с философией или переводы специальных философских сочинений» (Список членов Философского общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1900. С. 29). Следовательно, все эти лица по праву считались «специалистами философии». А вот «лица, интересующиеся философскими вопросами», могли быть приняты только «членами-соревнователями». Кроме того, меры, предпринимаемые органами государственной власти и православной церковью против преподавания философии и против развития ее инфраструктуры, породили в образованных слоях России широкую «философскую» самодеятельность (в известной степени «философскую» нелегальность). И в связи с этим большой «пласт» научно-популярной литературы создавался и издавался «непрофессионалами».

на психологические темы[26]. Два раза — С. И. Гессен — однажды с весьма характерным для него докладом «Понятия ценности и реальности» — 1909 г. — во второй раз на случайную этико-правовую тему.

В 1910 и 1911 гг. два раза выступала с психологическими докладами П. О. Эфрусси, продолжающая и теперь неутомимо работать в области экспериментальной психологии. Интересный доклад на логическую тему дал приват-доц. Казанского ун-та Н. А. Васильев. За это время представители не специально философских наук принимают особенно живое участие в заседаниях О-ва. Три интересных доклада дал Д. К. Петров — из области итальянской, французской, а также средневековой испанской философии[27]. Д-р Суханов дал три доклада на психопатологические темы. А. В. Васильев служил сближению философии с математикой и естествознанием. Наконец, в 1916 г. нужно отметить доклад Ф. И. Щербатского «Опровержение солипсизма в индийской философии» и О. Д. Хвольсона «Роль веры в физике»[28]. Как уже сказано, у меня отсутствуют данные за 1914 г. Но, если мне не изменяет память, то именно в этом году большое впечатление произвел доклад о философии Гегеля московского молодого философа Ильина.

Для характеристики материального положения О-ва выписываю утвержденные впоследствии предложения Совета О-ва в годовом собрании 1912 г.: a) Для прочного обеспечения существования О-ва отчислить из имеющихся у него % бумаг (на сумму 14 312 р. 50 к. номинальных) в неприкосновенный капитал 11 937 р. 50 к. номинальных. b) Образовать издательский фонд, который расходовался бы по мере необходимости, а составлялся бы, кроме ежегодно назначаемых на издания О-ва 1200 р., из остатков от сумм, прежде назначенных для той же цели, так что в текущем 1912 г. в этот фонд должно поступить, кроме 1200 р., назначенных сметой на этот год, еще 1165 р., оставшихся от 1200 р., назначенных на издание 1911 г. «Политики Аристотеля».

Этим кончаю характеристику первого периода деятельности О-ва[29]. В 1917 г.

[26] Психолог А. Ф. Лазурский систематически публиковал информацию о деятельности Философского общества на страницах журнала Психоневрологического института, созданного В. М. Бехтеревым (см.: Вестник психологии. 1903. 11 декабря; 1904. 24 января; 1904. 5 марта и др.)

[27] Петров Дмитрий Константинович (1872–1925) — профессор Петроградского университета, арабист, член Неофилологического общества.

[28] Доклад О. Д. Хвольсона был издан в виде брошюры «Знание и вера в физике» (Пг., 1916). Это сочинение получило положительную оценку в официальных православных изданиях (См.: *Бронзов А.* Математика — «мессионер» // Церковный вестник. Пг., 1916. № 49–50. Стб 827–831). И одновременно подверглось критике со стороны московских философов (См.: *Бачинский А., Шпет Г.* Фидеизм профессора Хвольсона // Мысль и Слово. Т. 1. М., 1917. С. 379–388).

[29] Изучение достаточно широкого круга источников позволяет нам предположить, что первый период завершился 9 февраля 1917 г. на 148-м собрании Философского общества. Тогда состоялось слушанье и обсуждение доклада В. М. Бехтерева «Строго объективный метод в изучении нервно-психологической деятельности и его роль в обосновании

эта деятельность была прервана, а в течение последовавшей революции О-во, разумеется, утратило и все свои сбережения[30].

В 1921 г. Философское общество возобновило свои собрания. На заседании, состоявшемся 27 февраля в публичной Библиотеке, товарищ председателя О-ва Э. Л. Радлов сообщил о предложении, сделанном ему председателем О-ва А. И. Введенским принять на себя обязанности председателя на то время, пока А. И. Введенский не может их исполнять по болезни. Собрание постановило просить Э. Л. Радлова принять на себя эти обязанности. Тут же в Совет общества были избраны Н. О. Лосский и А. А. Франковский, которому были поручены обязанности секретаря. После такого продолжительного перерыва при накопившейся потребности в обмене мыслями, деятельность О-ва возобновилась с новой силой, хотя собрания и сделались менее многолюдными. За время перерыва скончались члены Совета О-ва: Н. Г. Дебольский и А. С. Лаппо-Данилевский, почетные члены М. И. Каринский и Л. М. Лопатин, члены-учредители Ф. Д. Батюшков и П. Ф. Каптерев, действительные члены: А. Ф. Лазурский, В. В. Успенский и многие другие. А. И. Введенский был болен и не посещал собраний, С. Л. Франк профессорствовал сначала в Саратове, потом в Москве, Я. Н. Колубовский и многие другие отсутствовали по тем или иным причинам. С другой стороны, в состав действительных членов О-ва, сделавшихся постоянными посетителями их собраний, вошел ряд новых лиц: Данзас Ю. Н., Милорадович К. М., Лазаревский Н. И., Леонтьев В. В., Маржецкий М. Н., Колубовский И. Я., Иоф В. С., Франковский А. А., Андреев Ф. К., Беляев В. А., Зусман С. С., Спасский Л. Л., Казанский Б. В., Берг Л. С., Сеземан В. Э., Срезневский В. В., Останков П. А., Геллер И. С., Пищулин В. Ф., Кроленко А. А., Болдырев В. В., Котельникова О. М., Тубянский М. И., академик В. И. Вернадский и Н. М. Козлович.

Но в наше время «Родина жертв искупительных просит»[31], и из состава перечисленных лиц у О-ва отнят Н. И. Лазаревский[32], понесший незаслуженную

рефлексологии человека» (См.: Программы закрытых Собраний Общества, адресованные В. М. Бехтереву // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2265. Оп. 1–1908–1917. Д. 1201. Л. 4–5).

[30] Практически все научные общества Петрограда до революции обладали капиталами, которые они размещали в банках. Однако в связи с национализацией банков, которая была объявлена соответствующим декретом от 14 (27) декабря 1917 г., все они лишились своих накоплений.

[31] «Родина жертв искупительных просит» — несколько измененная строчка из стихотворения Н. А. Некрасова «В больнице» (1855):

Чтоб одного возвеличить, борьба
Тысячи слабых уносит —
Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит.

[32] Профессор Петроградского университета Н. И. Лазаревский был арестован и расстрелян в 1921 г. по делу «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева», одного из первых в Советской России дел, когда массовому расстрелу подверглись представители научной и творческой интеллигенции, в основном Петрограда.

кару, тяжело отозвавшуюся в душах всех, кто его знал. Его доклад «о Спинозе», прочитанный в заседании О-ва 10-го июля 1921 г., показал с новой стороны вдумчивого человека и воскресил перед собранием величавый образ давно умершего мыслителя, на минутку заставив почувствовать пафос его мысли и личности.

В независимости от изменившегося состава участников, несколько изменился и характер заседаний О-ва после перерыва. Помнится, до перерыва этот характер носил на себе печать классической немецкой философии. Тут царил Кант, да еще, пожалуй, Гегель и отчасти Фихте. Может быть в этом сказывалось строго кантианское направление председателя А. И. Введенского, налагавшего свою печать на руководимое им О-во. Новейшая философия была несколько в загоне, так что вернувшиеся из заграницы за несколько лет до войны молодые философы (из них назову С. И. Гессена и В. Э. Сеземана), которые завезли к нам из германских университетов борьбу школ Фрайбургской и Марбургской,— даже почувствовали одно время надобность в создании своего особого «молодого» философского общества, где бы не чувствовалось немного высокомерного отношения «классиков» к новаторам. Впрочем, сказанного не надо понимать в абсолютном смысле. Твердой стены между теми и другими не было никогда. Уже одно участие в заседаниях «старого» О-ва таких новаторов, как Н. О. Лосский и С. Л. Франк, гарантировало его от застоя. А строгость критической мысли, господствовавшая тут, только заставляла их острее оттачивать свои бритвы. Представителям «молодого» О-ва также не был закрыт доступ в «старое», в котором они по большей части и состояли членами. Но тон задавали те, кто стоял во главе, и это был тон классического немецкого идеализма.

В настоящее время отношения сторон меняются, и хотя философия Канта, а также Гегеля и Фихте продолжает иметь своих представителей в Философском О-ве, однако она значительно оттеснена на задний план идеал-реализмом Н. О. Лосского и методами мышления, внесенными в философию Когеном[33], методами, чрезвычайно талантливо применяемыми Н. В. Болдыревым, который после возобновления заседаний О-ва показал себя серьезным и зрелым мыслителем, очень ценным не только в качестве докладчика, но и в качестве оппонента. Его деятельное и постоянное участие вносит в собрания всегда свежую и продуманную мысль. Разделение философов на «классиков» и «новаторов», разумеется, весьма условно и произвольно; так, например, Н. О. Лосский, вносящий в свою философскую деятельность атмосферу незаинтересованного служения истине, всегда чуждую каких бы то ни было личных и самолюбивых соображений, несмотря на свое новаторство, многими корнями связан с предшествующими направлениями в философии. Еще труднее отнести к тем или другим третьего из наиболее активных в настоящее время членов О-ва — Л. П. Карсавина, черпающего свое вдохновение у Платона и у Плотина, у Николая Кузанского

[33] Герман Коген (1842–1918) — профессор философии в Марбурге, почетный член Петербургского философского общества.

и вообще мистиков всех веков и народов. Мистическая философия всегда отличалась глубиною и некоторой темнотою, благодаря которым она усваивается с большим трудом. Но Л. П. Карсавин обладает способностью придавать своему изложению форму необычайной легкости и блеска, и его парадоксальные доклады обыкновенно вызывают особое оживление. Из других постоянных участников философских собраний И. Я. Колубовский, которого, по-видимому, интересуют главным образом методические задачи, О. М. Котельникова, выступившая с интересным историческим докладом о философии Якоби, и некоторые другие — еще недостаточно выявили свою философскую физиономию. С интересом и с большою благодарностью всегда выслушивает Философское О-во также сообщения представителей физических и вообще естественных наук, тесная связь с которыми является и потребностью, и не всегда достижимой мечтой для представителей философии. К таким относятся сообщение А. В. Васильева «К истории общего принципа относительности» и Л. С. Берга «Новые теории эволюции». Имена С. А. Алексеева, И. И. Лапшина и, наконец, А. И. Введенского, несмотря на болезнь выступившего однажды с докладом в О-ве, вызвав переполнение маленького помещения, отведенного заседаниям в Публичной библиотеке, говорят сами за себя. Перечисляю прочитанные за эти полтора года доклады в том порядке, в каком они были прочитаны:

1) Н. О. Лосский «Отвлеченный и конкретный идеал-реализм».
2) 17 и 24 апреля 1921 г. Н. В. Болдырев «Созерцание и разум, бытие и познание».
3) 8 мая А. В. Васильев «К истории общего принципа относительности».
4) 29 мая С. А. Алексеев «Аналогия как основной метод познания».
5) 12 июня Л. П. Карсавин «Свобода воли».
6) 15 июня И. И. Лапшин «Преодоление солипсизма».
7) 10 июля Н. И. Лазаревский «Спиноза».
8) 16 октября В. А. Беляев «Настоящее и будущее религии».
9) 6 ноября С. С. Зусман-Гарт «О бессмертии души».
10) 20 ноября О. М. Котельникова «Проблема знания в философии Якоби».
11) 27 ноября И. Я. Колубовский «Рассмотрение основоначал».
12) 11 и 17 декабря Л. П. Карсавин «Мираж прогресса».
13) 22 января 1922 г. К. М. Милорадович «Роль философии в метафизике».
14) 5 февраля Н. В. Болдырев «Смысл истории и прогресса».
15) 19 февраля Л. С. Берг «Новые теории эволюции».
16) 5 марта П. О. Эфрусси «Эволюция интеллекта».
17) 19 марта А. И. Введенский «Судьбы веры в Бога».
18) 9 апреля Э. Э. Понтович «Право и сила».
19) 7 мая С. А. Алексеев «Время, вневременность, вечность».

Но деятельность Философского Общества за последние полтора года не ограничивалась этими собраниями. Совершенно новым ее проявлением оказывается то, что теперь, впервые за время своего существования, О-во обладает

собственным органом. Журнал Петербургского Философского Общества «Мысль» выходит под редакцией Э. Л. Радлова и Н. О. Лосского. Два номера этого журнала уже вышли в свет, третий выпуск выходит на днях. Журнал содержит доклады членов О-ва, прочитанные в его заседаниях, критические обсуждения вновь появляющихся книг в области философии как русской, так и иностранной, хронику университетской жизни и различных обществ, преследующих одинаковые с Петербургским Филос. О-вом цели, а также статьи, присланные в редакцию и одобренные ею для печати[34].

Для издания этого журнала, а также для возобновления серии изданий под названием «Труды Петербургского Философского О-ва», потребовалось создать особое издательство, которое и возникло под названием «Academia»[35] в конце 1921 г. Его задачи несколько шире вышеизложенных, т.к. оно издает не только философские, но и вообще научные и научно-популярные книги. Однако с Философским О-вом оно связано теснейшим образом, а непосредственное руководство издательством принадлежит редакционной комиссии в составе: Э. Л. Радлова, Н. О. Лосского, Л. П. Карсавина, Н. В. Болдырева, А. А. Франковского и А. А. Кроленко. Неутомимой энергии последнего это трудное при настоящих условиях предприятие всецело обязано своим существованием.

Из серии «Труды Пет. Фил. О-ва» подготовлены к изданию: 1) Ник. Кузанский. Избранные сочинения. Т. I. «О просвещенном неведении» — перев. Л. П. Карсавина, С. Л. Франка и А. А. Франковского. 2) Иоган Скот Эриугена. Избр. соч. Т. I. «О делении природы» — перев. Л. П. Красавина. 3) Аристотель. Метафизика, перев. под ред. Э. Л. Радлова. Наиболее значительным предприятием в этой области является новый полный перевод сочинений Платона в 15 томах. Редакция перевода поручена смешанной комиссии из филологов и философов в составе: С. А. Жебелева, Ф. Ф. Загинского, Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова и И. И. Толстого. В ближайшую очередь предполагается выпустить тома V (Пир, Федр) и I (Евтифрон, Апология, Критон, Федон) в перев. С. А. Жебелева, тт. XII и XIV (Законы и Эпиномис) в перев. А. Н. Ергунова.

Из несбывшихся предположений отмечу подготовлявшийся в этом году философский съезд в Петрограде. Надо надеяться, что осуществление его отложено не на дальний срок. Если в дореволюционный период главная заслуга в руководстве деятельностью О-ва принадлежала А. И. Введенскому, то в период

[34] В журнале «Мысль» были опубликованы доклады Н. О. Лосского, Н. В. Болдырева, С. А. Алексеева (под псевд. Я. Аскольдов), Л. П. Красавина, О. М. Котельниковой, А. И. Введенского, К. М. Милорадович и др. Во втором номере журнала была помещена информация об учреждении 31 января 1922 г. Костромского философского общества и о его деятельности. А в третьем номере — о Философском обществе при Донском университете в Ростове-на-Дону.

[35] См.: *Острой О. С.* Издательство «Academia» // Книга: Исследования и материалы. Сб. 18. М., 1963.

послереволюционный она принадлежит Э. Л. Радлову. Эти два человека, спаянные с О-вом с его возникновения, по-видимому, совершенно необходимы для его процветания. При всей глубокой разнице в философской личности и в направлении того и другого (критическом направлении первого и несколько скептическом, с одной стороны, и глубоко этическом, с другой, второго), они обладают общей чертою, которой представители старшего поколения наших философов выгодно отличаются от большей части своих младших современников: мыслью, доведенной до возможной степени простоты и ясности, никогда не позволяющей себе остановиться на туманности, которая так легко может прикрыть пустоту или ошибку.

References

Bachinskiy A., Shpet G. Fideizm professora Khvol'sona // Mysl i Slovo. T. 1. M., 1917. S. 379–388.

Bronzov A. Matematika — «messioner» // Tserkovnyy vestnik. Pg., 1916. N 49–50. Stb 827–831.

Frankovskiy A. Filosofskoye Obshchestvo pri Petrogradskom universitete // Mysl. 1922. Vyp. 1. S. 187–188.

Losskiy N. O. Vospominaniya // Voprosy filosofii. 1991. N 11. S. 116–190.

Ot Soveta Moskovskogo Psikhologicheskogo Obshchestva. Ot Soveta Sankt-Peterburgskogo Filosofskogo Obshchestva // Voprosy filosofii i psikhologii. Kn. 46 (1). M., 1899. S. V–VII.

S. V. Religiozno-filosofskoye obshchestvo v Peterburge // Zhivaya zhizn. M., 1907. N 1. S. 57–61.

Solovyev V. S. Ideya chelovechestva u Avgusta Konta. Chteniye v publichnom sobranii Filosofskogo obshchestva pri Peterburgskom universitete. 7 marta 1898 g. // Sobr. soch. V. S. Solovyeva. Izd. 2. T. 9. SPb., 1913.

Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR // Mezhdunar. o-vo «Memorial» i dr. 3 izd., pererab. i dop. M.: Zvenya, 2004.

Список литературы

Бачинский А., Шпет Г. Фидеизм профессора Хвольсона // Мысль и Слово. Т. 1. М., 1917. С. 379–388.

Бронзов А. Математика — «мессионер» // Церковный вестник. Пг., 1916. № 49–50. Стб 827–831.

Жертвы политического террора в СССР // Междунар. О-во «Мемориал» и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Звенья, 2004.

Лосский Н. О. Воспоминания // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 116–190.

От Совета Московского Психологического Общества. От Совета Санкт-Петербургского Философского Общества // Вопросы философии и психологии. Кн. 46 (1). М., 1899. С. V–VII.

С. В. Религиозно-философское общество в Петербурге // Живая жизнь. М., 1907. № 1. С. 57–61.

Соловьев В. С. Идея человечества у Августа Конта. Чтение в публичном собрании Философского общества при Петербургском университете. 7 марта 1898 г. // Собр. соч. В. С. Соловьева. Изд. 2-е. Т. 9. СПб., 1913.

Франковский А. Философское Общество при Петроградском университете // Мысль. 1922. Вып.1. С. 187–188.